

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна

"СВЕТ КНЯГИНЯ". ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ЛЮБВИ И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. И. ТРЯПКИНА

Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н. И. Тряпкина (1918-1999), поэта, лауреата Государственной премии России 1992 года, чье творчество тесно связано с традициями и корнями исконной народной культуры. Отмечая разноплановость и многогранность, различную эмоциональную наполненность и содержание созданных поэтом женских образов, следует подчеркнуть, что все они в своей основе имеют некий обобщенный идеал, единый архетип, называемый национальным характером.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 178-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

KINSHIP TERMS IN THE ALTAIC LANGUAGES: ЭКЭ... АКА

Ramzanova Dariya Bairamovna, Doctor in Philology, Professor

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
m.r.bulatova@mail.ru

The author considers the kinship terms “эке/эхе”, “ака”, which are used in the Altaic languages, in structural and semantic aspects, discusses the questions related to the features of their functioning: front row (the Tungus-Manchu, Mongolian languages) and hard row (the Turkic languages) vocalization, the use of both feminine (in two mentioned groups) and masculine (in the Turkic languages) terms, qualifying character in the Tungusic and Turkic languages, the semantic constraints in the Mongolian languages, etc.; and concludes that the functioning of the term “ака” in the Mordovian-Karatai dialect of the western (Mishar) dialect of the Tatar language is similar to the Chuvash and Finno-Ugric languages, it is a feminine term, having a group nature, and it is considered as the term of the Bulgarian origin.

Key words and phrases: kinship terms; Altaic languages; Tatar dialects; qualifying term; synharmonic parallels.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

Тема любви, создание образа русской женщины – один из ключевых моментов в поэзии Н. И. Тряпкина (1918-1999), поэта, лауреата Государственной премии России 1992 года, чье творчество тесно связано с традициями и корнями исконной народной культуры. Отмечая разноплановость и многогранность, различную эмоциональную наполненность и содержание созданных поэтом женских образов, следует подчеркнуть, что все они в своей основе имеют некий обобщенный идеал, единый архетип, называемый национальным характером.

Ключевые слова и фразы: женский образ; Н. И. Тряпкин; народная традиция; образ Ярославны; архетип; национальный характер; натурфилософская сверхзадача.

Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна, к. пед. н.

Рязанский институт бизнеса и управления

Rapsod@list.ru

**«СВЕТ КНЯГИНЯ». ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ЛЮБВИ
И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Н. И. ТРЯПКИНА©**

Отношение к женщине у поэта Н. И. Тряпкина, безусловно, в духе народной традиции, с одной стороны – возвышенно-поэтическое, нежное, трепетное, с другой – уважительно-сдержанное. И с третьей стороны – строгое и требовательное, но не по причине некоего мужского превосходства, бескомпромиссного лидерства и физической силы. Скорее, наоборот, в силу ее слабости, но слабости особой, требующей к себе повышенного внимания, заботы, любви, а также совершенно уникального места в жизни семьи, обществе и даже мироздания в целом.

Образ женщины несет в себе миротворческий и миропреобразующий смысл, призванный, если хотите, выполнять (буквально – с первых дней творения) натурфилософскую сверхзадачу. В невообразимой глубине веков ее образ смыкается с Ладой-матушкой, Богородицей, покровительницей и заступницей человечества, защищающей его своим спасительным покровом. Именно таково было место женщины в русской народной традиции, ее функция заключалась не только в материнстве, воспитании детей и заботе о сохранении очага, она становилась неким идеалом человека, вобравшим в себя все лучшие черты и качества. Не случайно устное народное творчество донесло нам этот идеал в образе прекрасной и мудрой Василисы Премудрой, Василисы Прекрасной и т.д. Она – символ душевной чистоты и целомудрия, целеустремленности и трудолюбия, стойкости и верности, поэтично называемой лебединой, то есть тех морально-этических норм, которые во все века были почитаемы и ложились в основу базовых нравственных идеалов народа. Именно так понимает Н. И. Тряпкин назначение женщины, он называет ее княжной, королевой, «красой в цветочном сарафане», «жар-птицей в злаках полевых» [4, с. 212]. Она – краля, красавица, свет-княгиня, жена-рукодельница, ведьма, колдунья, милка, краса, «моя Любава» [5, с. 30].

Поэт находит для нее оригинальные, всякий раз удивляющие своей изобретательностью эпитеты: она – *дивная, раздольная, у нее – пресветлое лицо и речной голос, нераздельная душа и журавлиные крылья бровей, лебяжья пречистая стая и звездные ресницы.*

Для него женщина – в ореоле возвышенной чистоты и красоты, она – носительница гармонии и созидательного начала, своим присутствием на земле она преобразует мир, делает его прекрасным и приглашает

мужчину следовать этим высоким принципам. Она – водительница народа, идейная вдохновительница и источник внутренней силы мужчины.

И поэт желает видеть женщину всегда таковой – парящей и возвышенной, а не «мертвой царевной», не скучной и опустившейся домохозяйкой, хлопочущей лишь о земном быте. Н. И. Тряпкин не прощает женщине сниженности образа, ибо понимает, что слишком высока и значима ее роль на земле.

Если мы прочитаем стихотворение 1966 года «Да, я знавал тебя такою...», мы убедимся в этом.

Да, я знавал тебя такою,
Что даже в горе ликовал,
И называл тебя княжною,
И королевой называл [4, с. 212].

Встреча, произошедшая в жизни двух людей, как видим, была для них счастливой, но судьба развела героев в разные стороны. И вот через какое-то время они встретились вновь, но встреча радости не приносит. Та, которая была для героя «птицей, полной чуда», превратилась в хлопочущую «квочку у ворот» [Там же], и не потому, что прошли годы, и она постарела и осунулась с возрастом, дело в другом: ушла не внешняя красота – исчезла красота души. Былая одухотворенность, романтичность растворилась в быте, мелочах, суетной жизни, лишенной высокого духовного смысла, наполненности, устремленности к идеалам.

И дело, опять же, не в том, что в жизни этой бывшей красавицы появились эти приземляющие душу заботы: «И все-то эдак про посуду / И про капустный огород» [Там же], вероятно, можно и огородом заниматься с вдохновением, – а в том, что ее душа не расцвела, не обогатилась, а увяла, заглохла и кажется, что даже «в глазах белесых – давно заглохшая вода» [Там же]. Ее больше не интересуют ни деревенские «плёсы», ни «в громах города», и ничто не зовет ее душу ввысь, не окрыляет ее мечтою – всё остановилось и замерло в ней. Почему так произошло – не будем гадать, может быть, не встретился человек, предназначенный ей судьбою; может быть, не хватило сил преодолеть какие-то трудности, пройти испытание и т.д. Как бы то ни было, но ни одухотворенности, ни красоты в героине больше нет, всё в прошлом, хотя начало жизни было таким многообещающим.

Горькое послевкусие остается после прочтения этого стихотворения, но таков взгляд поэта (или его лирического героя) на женщину.

В стихотворении «Не хватает грома для раската...» женщина предстает уже совсем в ином образе. Стихотворение вызвано к жизни видом прошедшей по улице колонны солдат, и эти солдаты заставили встрепенуться всех, кто невольно стал свидетелем их шествия: «И привстали плотники на срубах, / А репейник вспыхнул как тюльпан...» [5, с. 30].

Лирический герой обращается к женщине: «Ты не спишь иль спишь, моя Любава? / И какой ты, краля, видишь, сон? / Не с веков ли давних Святослава / Пред тобой гремит сей гарнизон?» [Там же].

И невольно напрашивается сравнение этой современной женщины с классической Ярославной, стоящей на стене древнего Путивля в ожидании ушедшего в военный поход мужа. И уже сам лирический герой перевоплощается в образ древнего воина: «Иль не помнишь час тот на рассвете, / Как пошли мы с князем за Дунай? / И не в сто ли труб гремели кмети, / Воздусей хвативши через край?» [Там же].

Совсем не случайно возникают в этой строфе архаичное слово *кметь* и устаревшая форма слова *воздуси* в значении *воздух*. А вот слово *кметь* вряд ли понятно современному читателю, оно настолько древнее, что даже в толковом словаре В. И. Даля рядом с ним стоит пометка «*стар.*», то есть уже во времена В. И. Даля оно считалось устаревшим. Значение его таково: «парень, крестьянин, земский воин, ратник» [2, с. 124]. Далее В. И. Даль отмечал, что это «слово южное, в Новгороде, Пскове его не знали» [Там же]. Вот такая древняя картина вырисовывается перед читателями благодаря всего лишь двум устаревшим словам.

И женщина смотрит на проходящих мимо солдат, как смотрела на уходящих воинов когда-то и Ярославна, и любая другая женщина, которой пришлось провожать на фронт мужа, сына, брата, жениха... Воистину, эпическое звучание приобретает это стихотворение.

И не все ли Шипки и Карпаты
Уходили травами в народ?
И прошли, протопали солдаты
Через душу всю – из рода в род [5, с. 30].

«Прощание славянки видится и слышится нам – вечная и щемящая картина проводов родного человека в поход, где его ждет неизвестность. И вернется ли он домой живым и невредимым из этого похода – как знать... Потому и застыла вечная мука в глазах провожающей женщины, и ее наворачнувшиеся слезы, кажется, не смогли высохнуть за века...

И стоит она, *вечная Ярославна*, на вечной стене вечного города, и простирая руки к солнцу и ветру, просит их пощадить ее ладу. И теперь ее участь – ожидание, бессонные ночи и снедающая печаль» [3, с. 137].

Такой образ женщины создан поэтом в этом стихотворении. А вот в стихотворении «Суматошные скрипы ракиг...» звучат другие интонации, и женщина здесь – не в состоянии ожидания, а в состоянии любви, ее расцветает, пика, вершины, когда не страшны никакие бураны и вьюги, никакие сквозящие ветры и одиночество. Это все в прошлом – и одинокие ночи, и скудное житье, и убогое жильё, где «сермягой обитая дверь», да за окнами – злые метели, истошные крики ворон и волчья грызня где-то за избою.

И пусть она когда-то осталась вдовой, но теперь она снова любима, и эта любовь делает ее счастливой, расцвечивая весь мир новыми красками, несмотря на его неприглядность и внешнюю неприветливость, как в данном случае.

Только ночь, да крутель, да сверчок,
Только волчья грызня за избою,
Да заглохшая дверь – на крючок,
Да сиянье твое надо мною [6, с. 132].

Прекрасна женщина в любви – именно такой поэт увидел ее, и словно ее сияние восходит над ним и озаряет эту земную ночь, где за окном слышатся «суматошные скрипы раки» и завывание вьюги.

Образ Ярославны снова появляется в стихотворении того же 1970 года «Я искал твой след неповторимый...». У нее, своей избранницы, лирический герой спрашивает: «По каким ты шла цветам и травам? / У каких ты грелась очагов?». Ничего не дождался он в ответ, «Только плыл твой голос журавлиный / И, как дым, спустился у воды...» [Там же].

Стоит признаться, что поднимать столь деликатную тему, касающуюся личной жизни поэта, его отношения к женщине, очень трудно, ибо здесь мы вторгаемся в область интимного пространства, не предназначенного ни для чужих глаз, ни для чужих ушей. И всякий раз, анализируя творчество любого поэта, которое, так или иначе, отражает тему любви, вы испытываете неловкость, да и нерешительность, и потому намеренно избегаете деталей и подробностей, останавливая свой взгляд на общих тенденциях в решении данной темы. Следует отметить, что современные исследователи, анализируя женские образы, также отмечают эти тенденции, которые выражаются в высокой требовательности к женщине, необходимости сохранения ею высокого духовного статуса: «Совершенная суть героини проистекает не столько из духовности, сколько из законов устройства органического бытия, не допускающих разрушение витальности» [1, с. 66]. Таким образом, женщина является (по праву рождения) носительницей этой жизненной силы, одухотворяя ею весь мир.

Итак, можно сделать вывод, что женские образы в лирике Н. И. Тряпкина, несмотря на их разнохарактерность и эмоциональную наполненность, словно имеют в своей основе некий обобщенный идеал, единый архетип, сродни блоковскому образу Прекрасной Дамы. Но если у А. А. Блока он более идеальный, расплывчатый, аморфный, это образ мечты и грез, то у Н. И. Тряпкина он более реальный, жизненный, имеющий ярко выраженный национальный характер.

Список литературы

1. **Бондаренко Е. Н.** Культ бытия всего существующего в образе «нереально-реальной» женщины (на примере натурфилософской прозы второй половины XX века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4).
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык Медиа, 2006. Т. 2. И – О. 779 с.
3. **Рыжкова-Гришина Л. В.** Свеча Земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: монография. Рязань: Скрижали, Рязанский институт бизнеса и управления, 2012. 294 с.
4. **Тряпкин Н. И.** Горящий Водолей / сост., вступ. ст. С. С. Куняева. М.: Молодая гвардия, 2003. 493 с.
5. **Тряпкин Н. И.** Излучки. Стихотворения. М.: Молодая гвардия, 1987. 159 с.
6. **Тряпкин Н. И.** Стихотворения. М.: Дет. литература, 1983. 190 с.

“DEAR PRINCESS”. REFLECTION OF LOVE SUBJECT AND WOMEN’S IMAGES IN N. I. TRYAPKIN’S LYRICS

Ryzhkova-Grishina Lyubov' Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy
Ryazan' Institute of Business and Management
Rapsod@list.ru

Love subject, Russian woman's image creation are one of the key moments in N. I. Tryapkin's poetry (1918-1999), a poet laureate of the State Prize of Russia in 1992, whose creative work is closely connected with the traditions and roots of native folk culture. The author, mentioning the heterogeneity and diversity, different emotional fullness and content created by the poet of women's images, emphasizes that they are all basically have a generalized ideal, a single archetype, called the national character.

Key words and phrases: women's image; N. I. Tryapkin; folk tradition; image of Yaroslavna; archetype; national character; natural-philosophical most important task.